

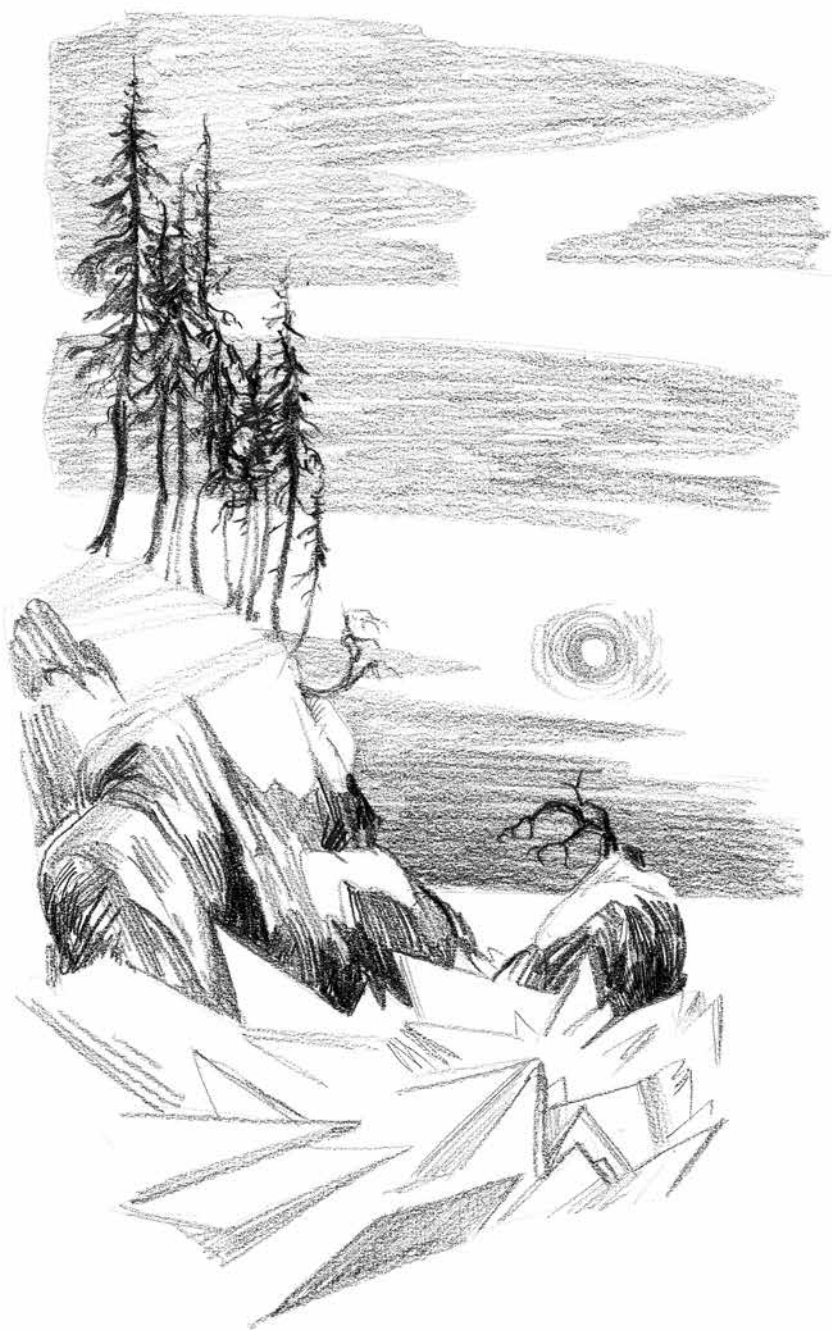
Маша Сандлер

КУБЫРЬ КУБЫРОК

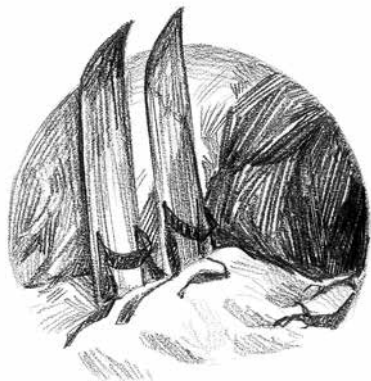

Художник
Тамара Мартынова

Волчок
Москва
2022

СИНЬ-ОСТРОВ

На полунощ глядеть — ничего не видать, только тьма. На запад глядеть — ничего не видать, только снег. На восток глядеть — едва-едва полосу света видать, а больше ничего. А на солнечную сторону Лиска и сама не глядит. Ну, как увидит там дымок над далёким лесом, над родным берегом? Близко жило — всего семь дён пути, и Лиска бы живо побегла, да не может. Глядеть — только горе терпеть.

Лиска вздохнула. Пар от вдоха вырвался из её рта и инеем осел на меховом кокуле, который прикрывал ей голову и щёки. Мороз крепчает к ночи, а ночь теперь спускается скоренько, враз, не успеешь проморгаться — уже темень, ветер сдувает с ног, метёт, да не снегом, а льдистой крупой, так что царапает голую кожу. Пора прятаться в схоронку. Лиска оттолкнулась и легко скатилась от Синь-камня под горку на деревянных лтах.

Внизу, недалеко от морского берега, их жило, устроенное из земляной охотничьей схоронки. И жило, и лты плохенькие, потому что мастерила их Лиска сама, своими неумелыми руками. Но другого ничего нет, так что и жалеть не о чем.

У лаза в схоронку торчат малыши — Бурко да Пенка. Смотрят на Лиску с надеждой, думают, ну как увидит она сверху, от самого Синь-камня, что возвращаются к их схоронке родители — Олонь и Жердяла. Каждый вечер перед закатом, всё более ранним, забирается Лиска на гору и смотрит на все три стороны, да только уже сама не верит, что кого-то увидит. Малыши верят, хотя Бурко уже большой, мог бы и не студить малую сестрицу.

Завидев Лиску и её сердитое лицо, малые нырнули внутрь. Лиска скинула лты и воткнула покрепче в снег рядом с лазом — если ночью будет метель, брошенные плашмя лты занесёт так, что нипочём не найдёшь.

Лаз в схоронку устроен длинный и узкий, малыши шмыгают, как мыши, Лиска пролезает с трудом, а большой человек или зверь и вовсе не протиснется. С обратной стороны Лиска поскорее закрыла лаз шкурой оленя, чтобы сохранить тепло.

— А мамка говорила трижды закрывать-открывать, чтобы гнусь лесная не влезла, — проворчал вполголоса Бурко.

— Поучи ещё меня, козявка носовая! — прикрикнула на него Лиска, но шкуру всё-таки открыла-закрыла ещё дважды, а то мало ли что.

Потом только скинула кокуль с головы и меховую малицу, оставила у входа. В схоронке было душно и дымно, потому что очаг курился и через продух под самым потолком

тянуло плохо. Каждый раз Лиска боялась угореть вместе с малышами, а когда устраивала очаг, дважды камни пере-
кладывала, да всё равно вышло не шибко хорошо.

Малыши, пока она бегала по лесу, проверяла силки, поддерживали как могли гонь-огонь в очаге, а сейчас в малом котелочке уже побулькивала вода для едова.

— Сего дня ясти будем пустую кашу, — сказала Лиска строго, снимая подвешенный к потолку мешок с овсом.

— Ну, Лиска, дай хоть с пальчик сальца, — заныл Бурко. — Хоть с мой мизинчик. Нет, с Пенкин, Пенкин мизинчик.

— В силках опять ничего, — возразила Лиска. — Изъедим оленину, что будем жевать? Мизинчики?

Бурко обиженно засопел, но больше просить не стал. А Пенка и не начинала — она, как только Лиска влезла в схоронку, забралась под шкуру на лежанке и к стенке отвернулась. Лежит, сопит. Лиске, правда, и гадать не надо, о чём сопит Пенка — мамки опять нет, мамку она ждёт-пождёт.

Лиска замешала кашу длинной палкой, подумав, всё ж отхватила ножиком едва-едва с Пенкин мизинчик сала от оленьей туши, которая тут же привязана к потолку. Разделила её на три куска и малый, совсем крохотный, бросила в гонь-огонь, попросила его помочь ей и малышам на эту ночь.

Огонь принял жертву, поскрипел довольюно.

Поели. Малыши вмиг слопали и кашу, и жир, Лиска едва за ними поспевала. Потом забрались на лежанку, под шкуру.

— Лиска, скажи сказку, — попросила Пенка, обнимая её руками за шею, жарко и щекотно дыхая в ухо.

— Да ну уж, все пересказаны.

— Скажи, Лисонька, пчёлка, цветочек, скажи.

— Да я все уж позабыла.

— Лисонька, скажи про Кубыря.

— Ну ладно, скажу, слушайте, — согласилась Лиска, как положено, на третий спрос. — За дремучими лесами, за далёкими морями, посередь океяна стоит остров Буян. На том острове чего только нет! Рыбы в реках ходят косяками и сами на берег бросаются, золотой чешуёй блещут, ягоды в лесах с кулак, а грибы с голову. Олени, косули, лоси не пуганы. Тетерева такие жирные, что летать разучились. На том острове Буяне не бывает лютой зимы, а стоит вечное лето. Только нет там ни лесовых людей, ни береговых, а живут там только одни медведи. Вот и жил среди них один молодой медведь по прозвищу Кубырь Кубырок. Всем он был хорош: силён, востёр, да только пока он несмышлёным малышом был, совсем как вы, влезла в него через рот лесная гнусь и почала нутро ему есть. Вот он возрос годами и стала его тоска неминуемая угрызать, стал он маяться, мучиться, и вот пошел к своему отцу, кинулся в ноги и говорит: «Отпусти меня, батюшка, в чужую сторону, счастья пытаться, от тоски избавленья искать...»

Тут Лиска остановилась, потому что Пеночка задышала ровненько, уснула. Да и Бурко у стены сонно потирал кулаком глаза.

— А мамка сказывала, — пробурчал он, — что в чужой стороне только погибель и ждёт, а гнусь лесная там даже гонь-огня не боится...

— Спи, поперечник, — сказала ему Лиска.

И Бурко послушался.

Сама она долго лежала без сна, разговаривала с гонь-огнём, засыпающим в очаге, вспоминала пожитъё. Прежде Лиска очень любила поспорить с Олонью о разном, а теперь согласилась бы со всем, лишь бы та вернулась. И ежели бы не ушла она, Лиска, на чужой, ничейный Синь-остров, не попала бы в такую беду, да ещё с двумя малышами.

Попала Лиска в эту беду по собственной вине и глупости.

Жила Лиска в хижине лесной у Олони и Жердялы, потому как была сиротой бесприютной. Когда-то с матерью она жила в деревне, да только однажды Пестрянку придавила сосна на вырубке. Олонь сказывала, что нашла маленькую Лиску на остывлом материнском теле и взяла себе, в лес. Олонь с Жердялой — лесные люди, и Лиска стала их же.

Здесь, недалеко от Синь-камня, посреди других построили Пестрянке поминальник — горку из обточенных морем камней, в основание положили Пестрянкин гребень, чтобы она признала, что померла, и ненароком не вернулась к живым.

Сама Лиска всего этого почти не помнит, но мамкин поминальник от других отличает, а вот отцовского не знает — про него даже из деревенских никто ничего не говорил. Лысая баба Маха однажды, сердясь за что-то на Лиску, сказала, что мать прижила её от медведя под лесным кустом. Лиска ей не поверила. Мать ей сказывала, а она хоть и мала была, а припомнила отцовское прозвище — Белянком. Белянком могут назвать зайца или белого олешка... Но разве ж медведя так неладно называют?

Олонь и Жердяла кормили и пестовали сироту, пока не было у них своих детей. Олонь научила Лиску стряпать, чинить одежду, шить из кожи черевья и рукавицы, Жердяла выучил делать силки и добывать зайцев, не портя шкуру. Потом, когда народились сначала Бурко, а за мальчиком — Пенка, Лиска в отплату за добро стала ходить за ними, учить их.

В эту осень Олонь и Жердяла решили пойти на большую охоту. Уже лиственница стояла голой, когда они снарядились и ушли, а Лиска с малышами осталась в лесной хижине. Теперь без слёз не вспомнишь, какое просторное у Олони и Жердялы жилище, как легко в нём дышится, пахнет свежестью и смолой...

Лиска сама не заметила, как её сморил сон.

Утром первый всегда просыпался Бурко. Выползал, извиваясь, как змей, из-под шкуры, поскорее, подпрыгивая от холода, натягивал меховые порты и малицу, совал ноги в черевья и выползал через лаз на свет, делал там, слева от схоронки, свои дела, потом черпал на чистом месте снега в котелок и лез обратно — кормить гонь-огонь свежими щепочками, топить снег для питья и каши.

Огонь плохо слушался мальчика, поэтому Лиска выпрастывала руки и ноги из-под тёплой шкуры, прыгала на земляной пол, который льдом обжигал ступни, поскорее одевалась, не забывая всё время нашёптывать гонь-огню ласковые да приветные слова...

Но в то утро так не вышло.

Сквозь самый сладкий досып Лиска слыхала, как Бурко запыхтел и поднялся с лежанки, потревоженная Пенка перевернулась на другой бок, хлопнула шкура, закрывавшая вход...

А через вздох Бурко снаружи закричал криком, потом влетел в лаз, даже не стряхнув как следует снега с одежи.

— Там, там у Синь-камня! Стоит! Стоит!

— Чего голосишь? — зло спросила Лиска, вспрыгнув с лежанки. — Не вопи, говори толком.

— Да что, я вышел, ещё не светает, пока глаза продрал, то да сё, небо посерело. Я глянул — а он стоит у Синь-камня! Большой! Чёрный!

— Татка! — закричала проснувшаяся Пенка.

Пока они вопили, Лиска успела влезть в одежду и схватить малую сикорку, которой они кололи дрова.

— Тихо, — приказала она малышам. — Тихо сидите, козявки носовые. Слушайте.

В наступившей тиши вдруг отчётливо раздались снаружи тяжёлые шаги. Кто-то большой ходил там у самого лаза, и свежий снег скрипел, сминаясь под его весом.

«Был бы это Жердяля, — обмирая от страха, подумала Лиска, — он бы подал голос. Был бы это лесной или береговой человек...»

Пришелец обошёл их жило, вцепившееся в склон холма, слева и снизу, нашёл продух, поскрёб его...

— Медведь, — прошептала Лиска, услышав, как зверь вынюхивает из продуха их сладкий запах.

— Нет, — покачал Бурко упрямой головой. — Я видал, он прямком стоял, человек в чёрной малице.

Зверь бросил продух, снова пошёл к лазу.

«Пусть полезет, — подумала Лиска, — я хвачу его сикоркой по темени. Если достанет сил проломить череп, будет хоть мясо».

— То татка! — настаивала Пенка, стоя босая рядом с Лиской и дрожа от холода. — Пустите татку в жило!

Лиска подхватила девчонку и запихнула на лежанку под шкуры.

— Ушед, — меж тем сказал Бурко. Он стоял у лаза, весь наострившись, а в правой руке у него подрагивал малый ножик, которым Лиска разделявала пойманных зайцев.

Прислушались ещё. Медведя и в самом деле не было слышно.

— Куда он уйдёт? Почуял еду, не пойдёт, будет ждать. Нос высунешь — вмиг откусит.

— Как же, сколько ж мы тут сидеть будем?

Лиска смолчала. А что тут скажешь?